

Байкальский синдром: Бумажный кораблик

Олег Рычков

18+

Олег Рычков

**Байкальский синдром:
Бумажный кораблик**

«Автор»

2026

Рычков О.

Байкальский синдром: Бумажный кораблик / О. Рычков —
«Автор», 2026

Ирина Кузнецова — автор бестселлеров в жанре темного фэнтези. Она привыкла объяснять любую чертовщину логикой сюжета, пока не потеряла свою восьмилетнюю дочь. Спустя годы отчаяния Ирина получает посылку без обратного адреса. Внутри — сухой кораблик и медальон дочери с гравировкой сегодняшнего числа. Понимая, что логика здесь бессильна, писательница отправляется обратно к озеру. Город Байкальск встречает её пустыми улицами и токсичным туманом, который пахнет гниющей бумагой. Это место читает память как открытую книгу, материализуя каждый страх Ирины: манекены в школьной форме висят под потолком цеха, коридоры школы сужаются, сдавливая грудную клетку, а телефон звонит голосом мертвого ребенка. Чтобы вернуть дочь, Ирине придется спуститься на дно затопленного комбината и встретиться лицом к лицу с правдой, которую она прятала даже от самой себя: Виктория утонула еще пять лет назад. Весь этот город — лишь бумага и боль, из которых соткана иллюзия материнства.

© Рычков О., 2026

© Автор, 2026

Олег Рычков

Байкальский синдром: Бумажный кораблик

Байкальский синдром:

Бумажный кораблик

Глава 1: Бумажный кораблик

Дорога на Байкал в начале сентября — это всегда лотерея. Ирина знала это, но всё равно выбрала маршрут через Хамар-Дабан, а не по гладкому федеральному тракту. Слишком любила эти серпантины, когда сосны смыкаются над головой, пропуская солнечный свет сквозь иголки, и он ложится на асфальт золотыми монетами. В такие моменты казалось, что время течёт иначе — гуще, медленнее, будто мёд из банки. Можно дышать полной грудью и не думать о сроках сдачи рукописи.

Внедорожник мерно урчал, переваривая очередной подъём. Колёса цепко держались за сухой асфальт, подвеска мягко отрабатывала выбоины, которых здесь, на удивление, почти не было. Дорогу обновили год назад, и теперь она лежала ровной серой лентой, разрезающей тайгу надвое.

— Мам, а они правда существуют? — голос с заднего сиденья был спокоен, почти скупающий, словно дочь спрашивала, будет ли на ужин суп.

Ирина покосилась в зеркало заднего вида. Виктория сидела, подобрав ноги под себя, уткнувшись носом в раскрытую книгу в мягкой обложке. «Клыкастые тени», последний роман, который Ирина сдала в печать четыре месяца назад. Пятая книга в серии о Подводных, бестелесных сущностях, обитающих на дне чёрных озёр и питающихся чужими снами. Тираж разошёлся за две недели — хорошая новость для издательства, спорная для психиатра, которого Ирина навещала раз в полгода из вежливости перед собой.

— Кто именно, Вик? — переспросила Ирина, не поворачивая головы. — Монстры из книжки?

— Ну да. — Девочка хрустнула страницей, закладывая угол. — Глубоководный угорь, который заманивает детей музыкой. Ты же писала это как будто знаешь. Как будто видела его.

Ирина усмехнулась уголками губ. Этот вопрос она слышала на каждой творческой встрече, на каждом интервью. Журналисты обожали спрашивать, не встречалась ли она в реальной жизни с теми ужасами, что выходят из-под её пера. Всегда хочется верить, что автор бестселлеров в жанре тёмного фэнтези — немного сумасшедший, немного одержимый, что он приоткрывает дверь в мир, куда простым смертным хода нет.

— Виктория, я придумала его, — терпеливо сказала Ирина, перестраиваясь в левый ряд перед крутым поворотом. — Я сидела за столом, пила кофе и выдумывала угря по кусочкам. Сначала хвост, потому что он самый интересный, потом глаза. У него должны быть глаза, которые светятся в темноте, потому что дети боятся темноты, а значит, им будет страшно. Это ремесло, милая. Технология.

— Но в книге сказано, что он появляется, когда у ребенка есть тайна, — не сдавалась Виктория. — А у меня есть тайна.

Ирина на мгновение оторвала взгляд от дороги и снова глянула в зеркало. Дочь подняла голову. Чёрные, как у самой Ирины, глаза смотрели настороженно, почти испуганно. Но девочка улыбалась. Такая хитрая, взрослая улыбка, которая Ирине в ней всегда нравилась и всегда немного пугала. Восемь лет — а уже умеет выдерживать паузу ровно столько, чтобы мать начала нервничать.

— Какая тайна? — спросила Ирина, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Она не любила эти игры. Слишком много лет она писала о монстрах, чтобы не знать: дети отлично чувствуют,

когда взрослый делает вид, что ему интересно. Они считывают эту фальшь, как приборы считывают давление.

— Вот увидишь, — Виктория хитро прищурилась и снова уткнулась в книгу. — Когда мы приедем, может, я тебе расскажу. Или не расскажу. Это же тайна.

Ирина вздохнула, возвращая внимание дороге. Серпантин стал круче, сосны расступились, открывая вид на синюю гладь вдалеке. Байкал. Появился неожиданно, как на картине, которую выдвинули из-за кулис: огромный, неподвижный, холодный. С такого расстояния он казался идеально ровным листом металла, отражающим облака. Ирина всегда чувствовала странную тяжесть в груди, когда видела озеро. Красивое, да. Величественное. Но в нём было что-то неестественное, слишком правильное. Слишком глубокое для того, чтобы простая мать с восьмилетней дочерью смотрела на него без дрожи.

— Ты вообще читаешь или просто картинки рассматриваешь? — спросила она, чтобы отвлечься от этого чувства. — Мы через полчаса будем на месте.

— Читаю, — буркнула Виктория. — Тут написано, что угорь умеет превращаться в воздух. Он становится невидимым, когда злится. А злится он, когда дети врут.

Ирина сжала руль чуть крепче. Хорошо, что дочь не видит её лица.

— Это метафора, — сказала она. — Все монстры — метафоры. Я писала про страх, про то, что мы прячем внутри. Угорь — это просто идея, понятие. Он не настоящий.

— А папа говорит, что настоящие, — спокойно ответила Виктория, переворачивая страницу. — Папа говорит, что ты просто не хочешь признавать...

Договорить она не успела. Её фигура пошла мелкой рябью, как изображение плохого сигнала на старом телевизоре. Черты лица смазались на долю секунды. Когда картинка снова стала четкой, ремень безопасности висел свободно. Кресло опустело беззвучно. Ни скрипа кожи, ни стука пряжки. Только книга осталась лежать на сиденье, хотя Ирина точно видела, как дочь придерживала страницу левой рукой.

Ирина сглотнула. Олег, бывший муж, всегда умел воткнуть нож точнее любого хирурга. И даже спустя два года после развода этот нож продолжал торчать — правда, через дочь. Но ссориться с Викторией из-за слов отца — последнее дело. Она просто промолчала, вцепившись в руль.

Сзади зашуршала бумага. Ирина краем глаза увидела, как Виктория отложила книгу на соседнее сиденье и вытащила из кармана куртки плотный лист белой бумаги. Формат А4, сложенный пополам. Откуда у неё бумага? Ирина не помнила, чтобы брала в дорогу альбом или блокнот.

— Не отвлекайся, — сказала она, замедляясь перед очередным поворотом. — Дорога сложная.

— Я не отвлекаюсь. Я делаю кораблик.

— Какой ещё кораблик?

— Помнишь, ты в прошлой книге написала про Бумажного Угря? — голос Виктории стал мечтательным, отстранённым. — Ну, когда он выплывает из сложенного листа, если его неправильно сложить. Я выучила эту схему.

Ирина помнила. Бумажный Угорь — персонаж из второй книги серии, антагонист, появившийся ровно на пять страниц, чтобы умереть в конце. Его особенность была в том, что оригами оживало, если ребёнок ошибался в последней складке. Ирина придумала это за полчаса, чтобы добавить объёма главе. Теперь она почти жалела об этом.

— Вик, это просто сказка. Не пытайся сложить так, чтобы он ожил, хорошо? — Ирина хотела сказать это шутливо, но голос дрогнул. Она ненавидела этот тон — слишком властный, слишком тревожный.

— Не буду, — легко согласилась дочь.

Сзади слышался сосредоточенный шелест. Ирина следила за дорогой, но ухо невольно ловило звуки: складывание пополам, разглаживание, осторожное сгибание уголков. Виктория делала оригами быстро, точно, как будто тренировалась сотни раз. Ирина хотела спросить, откуда она знает эту технику, но передумала. Дочь просто хотела её развлечь. Или проверить.

— Готово, — сказала Виктория через минуту. — Смотри.

Девочка потянулась вперёд и положила бумажную фигурку на центральную консоль, между передними сиденьями. Ирина бросила взгляд.

Кораблик. Обычный бумажный кораблик — тот, что складывают все дети. Треугольная «крыша» над прямоугольным корпусом. Но концы корпуса были заострены и загнуты вверх, а на «носу» виднелись два небольших надреза, имитирующих глаза. Клыкастый угорь, сложенный из того самого оригами, которое она придумала в прошлом году. Идеально. До последнего сгиба — идеально. Даже она сама не смогла бы воспроизвести эту модель с такой точностью.

— Ты где научилась такому? — спросила Ирина, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

— В книге была схема, — Виктория пожала плечами. — Помнишь, в конце. Я просто повторила.

— Я не давала издательству печатать схемы оригами.

— А они напечатали. — Голос дочери звучал беспечно. — Там мелким шрифтом, в комментариях для родителей. Ты, наверное, не заметила.

Ирина открыла рот, чтобы ответить, но не успела. Приборная панель коротко пискнула.

Она опустила глаза. На экране бортового компьютера загорелся оранжевый значок — датчик давления в шинах. Ирина нахмурилась и перевела взгляд на боковое зеркало. Колёса выглядели нормально, подвеска не проседала. Дорога идеальная, без ям и острых камней.

— Странно, — пробормотала она, нажимая кнопку сброса ошибки.

Датчик не сбросился. Оранжевый значок остался гореть, теперь с пульсацией. Ирина прибавила газу, чтобы выехать на прямой участок и остановиться. Но внезапно подвеска странно качнулась — резко, будто они переехали через что-то мягкое, вязкое. Дорога была чистой. Асфальт — сухим.

— Тихо, Вик, — сказала Ирина, выровнивая руль. — Кажется, у нас проблема с колесом.

— Мам. — Голос дочери вдруг стал тихим, почти шёпотом.

— Что?

— Посмотри на бумажный кораблик.

Ирина опустила глаза. Фигурка на консоли лежала, как лежала — острая, бумажная, с загнутыми концами. Но кончики её «глаз», надрезанной бумаги, были мокрыми. Ирина протянула руку и коснулась пальцем. Влага. Холодная, прозрачная, пахнувшая тинкой и озоном.

Внедорожник снова качнулся, сильнее. Ирина вцепилась в руль, чтобы удержать машину на полосе. Сзади раздался слабый, почти беззвучный смех. Смех дочери, но не живой — какой-то чужой, будто записанный на дешёвый магнитофон и пущенный на замедленной скорости.

— Виктория, убери эту фигурку, — сказала Ирина, стараясь не повышать голос. — Просто убери, хорошо?

— Она мокрая? — спросила девочка, и в голосе её появилось любопытство, смешанное с чем-то, что Ирина не могла опознать. — А я думала, это только в книгах.

— Убери, — повторила Ирина сквозь зубы.

Смех за спиной повторился. Он шёл не с заднего сиденья. Он шёл из динамиков.

Ирина выругалась про себя, нажала кнопку выключения аудиосистемы. Магнитола моргнула экраном «ЕСО» и погасла. На приборной панели значок давления мигал уже в такт, словно пульс. Золотые монеты солнечного света, ложившиеся на дорогу пять минут назад, исчезли. Небо затянула серая пелена — появилась откуда-то с востока, будто кто-то накрыл тайгу огромным колпаком.

Туман.

Ирина сбросила скорость до сорока километров в час, включила противотуманки. Поздно. Видимость упала до двадцати метров, через мгновение — до десяти. Сосны по обе стороны дороги растворились в белой дымке, оставив только серую ленту асфальта, уходящую в никуда.

— Пристегнись крепче, — сказала Ирина, глядя вперёд.

— Хорошо, — ответила Виктория. Голос был обычным. Как будто ничего не произошло.

Ирина моргнула, чтобы прогнать наваждение, и в этот момент сзади раздался тихий, но отчётливый звук.

Плюх.

Как будто что-то упало в воду.

Она обернулась. Заднее сиденье было пустым. Дверь со стороны Виктории закрыта. Книга лежала на сиденье, раскрытая на середине. Ремень безопасности свисал, аккуратно отстёгнутый — как будто девочка просто встала и вышла. На сиденье, на том месте, где сидела Виктория, лежал бумажный кораблик. Она его не убирала. И теперь фигурка была не просто мокрой. Она была *потекла*. Края бумаги размокли, и чёрная типографская краска поплыла по обивке сиденья, образуя странный узор.

Ирина закричала. Это был животный, рваный звук, который она даже не сразу узнала как свой собственный. Правая педаль ушла в пол до отказа, АБС захлебнулась визгом. Внедорожник занесло боком, тяжелый капот неотвратимо полетел навстречу стволу лиственницы. Удар должен был стать оглушительным.

Его не было. Вместо скрежета металла раздался тихий звук рвущейся бумаги. Сосна стояла в десяти сантиметрах от решетки радиатора, но теперь ее кора была исписана типографской краской. Буквы складывались в названия глав её последней книги: «*Клыкастые тени*», «*Бумажный угорь*», «*Теория отражений*».

Двигатель заглох без кашля, словно его выключили рубильником. Исчез даже свист ветра за окном. На Ирину обрушилась такая плотная тишина, что заложило уши — теперь она слышала только оглушительный пульс в собственной шее. Она обернулась к стеклу. Плексиглас остался прозрачным, но пространство снаружи исчезло. По внутренней стороне стекла, там, где обычно скапливается утренний конденсат, медленно сползали тяжелые капли густой слизи. Они пахли стоячей водой, тиной и старым металлом. Лобовое стекло начало покрываться мутно-зеленым налетом, похожим на разросшуюся плесень. Ряска ползла снизу вверх, пожирая остатки дневного света.

Она резко обернулась, хватая ртом воздух. Детское кресло позади нее было пустым. Ремень безопасности аккуратно отстегнут и свернулся змеей в пазу. Книга Виктории лежала на сиденье, раскрытая на середине. А на бежевой обивке, там, где секунду назад сидела дочь, медленно растекалось темное влажное пятно. Бумажный кораблик исчез.

Ирина повернула голову. Заднее сиденье всё ещё было пустым. На консоли, на том месте, где лежал бумажный кораблик, теперь была лишь горстка мокрой целлюлозной кашицы. И чёрный след, который она оставила на пластике, смутно напоминал очертания разинутой пасти.

На приборной панели оранжевый значок давления в шинах сменился другим. По экрану бортового компьютера снизу вверх ползла строка загрузки, словно система пыталась установить новое программное обеспечение. Значок напоминал клык. Когда он полностью заполнил дисплей, подсветка приборов погасла, оставив салон во власти серого света тумана. Воздух стал тяжелым, осязаемым — дышать приходилось через силу, словно легкие набились влажной газетной бумагой.

Ирина перевела взгляд на лобовое стекло. Снаружи оно было чистым, но изнутри, со стороны салона, по стеклу стекали мутные зелёные капли. Цвета ряски. Цвета глубокой стоячей воды.

Смех, донёсшийся из динамиков, повторился.

Она поняла, что не дышит.

Глава 2: Сбой матрицы

На три секунды мир выключили. Не стало ни звука, ни света, ни пульса — только мертвая пустота. А потом слух резанул металлический скрежет, словно кто-то провел гвоздем по стеклу прямо внутри черепа. Носоглотку забил густой запах озона и стоячей воды. Ирина втянула воздух судорожным глотком — легкие обожгло холодом, как у проруби.

Лобовое стекло всё ещё было покрыто изнутри зелёной ряской. Мутные разводы сползали медленно, вязко, оставляя за собой грязные следы на пластике торпедо. Ирина моргнула. Ряска осталась. Она протянула руку и провела пальцем по стеклу — холодное, влажное, склизкое. Настоящее. На подушечке пальца остался липкий изумрудный налет. Запах ударил в нос — густой дух стоячей воды, тины и сладковатой гнили. Так вонял пожарный пруд на бабушкиной даче в августе, когда они с братом доставали со днадохлых лягушек. Желудок совершил болезненный кульбит.

— Виктория, — позвала она, и голос её сорвался на хрип. — Вик, ты слышишь меня?

Никто не ответил. Заднее сиденье было пустым, но теперь Ирина заметила детали, которые упустила в панике. Книга — та самая, которую дочь читала по дороге — лежала раскрытой лицом вниз, переплёт хрустел, будто страницы набухли от влаги. Ремень безопасности свисал с крепления, и кончик его был мокрым на протяжении всей длины, словно его окунули в ведро. На обивке сиденья, прямо в центре, темнело мокрое пятно, повторяющее контуры детского тела. Ирина сглотнула. Пятно не высыхало. Оно будто дышало, края его пульсировали, расширяясь и сужаясь в такт с её собственным дыханием.

-Тест на реальность, — прошептала она, пытаясь унять дрожь в челюсти. — Правило первое: найди боль. Боль всегда настоящая. Правило второе: назови пять вещей синего цвета. Синего... Ничего. В салоне нет ничего синего. Только этот чертов зеленый гной на стеклах. Значит, это сон? Нет. Психотерапевт говорил иначе. Если мир плывет — нужно заземлиться физически.

Она повторяла это как мантру, пока дрожащей рукой тянулась к рычагу коробки передач. Внедорожник был заглушён. Ирина повернула ключ зажигания. Двигатель чихнул и заглох. Она повторила попытку — тот же сухой, беспомощный кашель стартера. На приборной панели загорелась красная иконка аккумулятора. Батарея новая. Мозг отказывался принимать вводные данные. Ирина смотрела на красную иконку аккумулятора, и мир начал двоиться: левая часть лобового стекла всё ещё показывала сухую сосновую хвою, правая — зеленую гниль ряски.

— Это не происходит, — прошептала она, но пальцы сами собой впились в пластик торпедо с такой силой, что суставы побелели. Ей нужен был физический якорь. Боль. Реальность. Она размахнулась и наотмашь залепила себе щеку. По салону разнесся глухой, мокрый шлепок — звук ладони, разбившейся о собственную кость. Щека вспыхнула огнем, во рту появился медный привкус крови из прикушенной губы. Вот оно. Реальность.

— Вот так, — сказала она вслух, тяжело дыша. — Я чувствую боль. Значит, я жива. Только убедив себя в этом, она позволила руке дотянуться до ключа зажигания.

— Чёрт, — выдохнула она и ударила кулаком по рулю. Баранка отозвалась не привычным жестким пластиком, а глухим, чавкающим звуком, словно была обернута в сырую ватную телогрейку. Металл замка зажигания больно впился в ладонь. Не сработало. Ирина открыла дверь и шагнула наружу. Нога провалилась по щиколотку в воду.

Она отшатнулась, вцепившись в дверной проём, и посмотрела вниз. Под ногами — мокрый асфальт, но он был покрыт тонким слоем воды, словно только что прошёл ливень. Ирина подняла голову. Небо оставалось серым, плотным, без единой щели. Но дождя не было. Вода лежала на дороге ровной гладью, идеально зеркальной, отражая серое небо и белые силуэты

машин — она видела в отражении свою собственную, но та казалась смазанной, искажённой, будто кто-то рисовал её акварелью на мокрой бумаге.

Ирина сделала шаг в сторону, чтобы обойти капот. Вода под ногами не плескалась. Она вообще не издавала звуков. Казалось, что поверхность дороги — просто декорация, нарисованная на стекле, а под ней — бездонная пустота. Она наклонилась и коснулась воды пальцами. Холодная. Слишком холодная для сентября. И прозрачная — она видела собственные пальцы на глубине, но там, где должно было быть дно, виднелась чернота. Бесконечная, как у Байкала.

— Виктория! — крикнула она в туман. — Где ты?

Голос не вернулся эхом. Он просто растворился, как будто его проглотила вата. Тишина стояла такая плотная, что Ирина слышала собственное сердцебиение — гулкий, давящий стук где-то в горле. Она закрыла глаза, прислушиваясь. Ни ветра, ни пения птиц, ни шума шин по асфальту. Только гул в ушах — тот самый, что бывает при сильном перепаде давления, когда закладывает уши в самолёте.

Она открыла глаза и повернулась к машине. Внедорожник стоял на месте, но теперь Ирина заметила, что он слегка накренился — переднее правое колесо ушло вниз, будто дорога под ним просела. Она подошла ближе и опустила на корточки. Колесо было целым, но под ним не было асфальта. Там, где должна быть твёрдая поверхность, зияла чёрная вода, и колесо погружалось в неё, медленно и неумолимо, как будто его засасывало болото. Ирина отскочила назад, больно ударившись спиной о бампер.

— Так, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Паника не вариант. Ты опытный водитель. Ты знаешь, что делать в тумане. Ты включила «аварийку»?

Она обошла машину и проверила габариты. Мигалки работали. Оранжевый свет пульсировал в молочной пелене, отбрасывая тени, которые шевелились, как живые. Ирина посмотрела на дорогу впереди — или в том направлении, где, по её представлениям, была дорога. Асфальт исчез. Теперь под ногами была лишь бесконечная гладкая поверхность, покрытая водой, и ни одного ориентира, чтобы определить, где начинается обочина.

Она вернулась в машину, закрыла дверь и взяла телефон. Экран горел ровно, уровень сигнала показывал полные четыре деления. Ирина выдохнула с облегчением и набрала номер экстренных служб. Трубку никто не взял. Она попробовала снова — тишина. Ирина проверила настройки. Звонок шёл, но вместо гудков из динамика доносился только шум, похожий на шипение радиопомех. Она сбросила вызов и открыла навигатор.

То, что она увидела, заставило её замереть.

Приложение показывало её местоположение зелёной точкой, и точка эта находилась ровно посередине озера Байкал. Координаты указывали на глубину в тысячу шестьсот метров. Ирина обновляла карту, но результат оставался тем же. Она выключила GPS и включила снова — ноль изменений. Согласно навигатору, она стояла на воде. Или под водой.

— Это технический сбой, — проговорила она, вглядываясь в экран. — База данных повреждена. Перегрузка спутников. Или помехи из-за тумана.

Она знала, что врёт себе. Но врать себе было единственной защитой, которая осталась.

Ирина завела двигатель со второй попытки — стартер натужно заскрежетал, но мотор ожил. Она включила печку, чтобы прогреть салон, но из дефлекторов вместо тёплого воздуха подул ледяной. Ирина поёжилась и перевела взгляд на пассажирское сиденье. Там, поверх книги Виктории, лежал бумажный кораблик. Тот самый. Но теперь он выглядел иначе — бумага была полностью мокрой, края расползлись, и фигурка потеряла форму. Она превратилась в бесформенный комок, похожий на скомканный носовой платок. Ирина протянула руку, чтобы выбросить его, но комок вдруг дрогнул. Как будто внутри бился маленький пульс.

Она отдёргнула руку.

— Мне это кажется, — прошептала она. — Мне просто кажется. У тебя стресс. Ты уже давно не брала отпуск. Ты переработала.

Ирина выдохнула. Она была на правильной дороге. Просто туман сбил навигатор. Просто техника дала сбой. Ничего сверхъестественного. У неё есть пункт назначения, и она доедет до него, даже если придётся ползти со скоростью десять километров в час. Она переключила передачу, медленно тронулась с места. Под колёсами был асфальт — она слышала знакомый шум, слышала, как шины цепляются за поверхность. Страх немного отпустил.

И тогда рация на центральной консоли ожила. Динамик зашипел коротко, резко... из него донёсся звук. Пение. Детский голос, высокий и чистый, выводил мелодию на латыни...

Туман немного рассеялся — или ей показалось? — и теперь впереди угадывался тёмный силуэт. Дерево? Дом? Ирина прищурилась и включила дальний свет. Луч фар прорезал пелену, и она увидела... дорожный указатель. Ржавый, покосившийся, но читаемый. «БАЙКАЛЬСК — 15 км» *Это ловушка*, — мелькнула мысль, холодная и ясная, пробившись сквозь морок. Но тело уже само потянулось к коробке передач. Надежда оказалась сильнее страха. Она была на правильной дороге. Просто туман сбил навигатор.

— Виктория, это ты? — спросила Ирина, глядя на рацию.

Пение оборвалось. Наступила короткая пауза, а затем из динамика раздался тот самый смех. Знакомый, её дочери. Но одновременно — чужой, искажённый, словно его записали под водой.

— Мам, — прошептал голос. — Ты не туда едешь.

Ирина нажала на тормоз. Машина остановилась. Рация захрипела и замолкла. Тишина навалилась с новой силой, но теперь в ней появился новый звук — капли воды, падающие где-то снаружи. Кап. Кап. Кап. Как в пещере.

— Вик, — позвала Ирина, поворачиваясь назад. — Милая, ты здесь? Ты в машине?

Кресло было пустым. Но на сиденье, там, где лежала книга, теперь стояла лужица воды. И в ней, аккуратно сложенный, словно его только что опустили на поверхность, плавал новый бумажный кораблик. Сухой. Абсолютно сухой, без единого пятна влаги. Белый, чистый, с острыми, геометрически правильными складками.

Ирина сглотнула. Она не видела, как он появился. Она просто... отвернулась на мгновение. И вот он здесь.

Она протянула руку и взяла его. Бумага была тёплой, как будто её только что сжимали в ладонях. Ирина развернула кораблик, расправляя складки, и внутри, на белом поле, увидела надпись. Крупные детские буквы, выведенные синей ручкой:

«Не ищи меня в городе. Я там, где ты меня оставила»

Строчка была неровной, последние буквы смазаны — как будто писавший торопился или плакал. Ирина перевернула лист. С другой стороны было пусто.

Она подняла голову и посмотрела в зеркало заднего вида. Туман сгустился настолько, что она не видела даже бампера своей машины. Только белая пелена, в которой угадывались движущиеся тени. Ирина выключила двигатель, чтобы сэкономить топливо, и открыла дверь. Холодный влажный воздух ударил в лицо. Она сделала шаг наружу и снова оказалась по щиколотку в воде.

Она опустила взгляд. Вода у щиколотки была не прозрачной, а бледно-серой, цвета дешевой газетной бумаги. Нос уловил сладковатый, тошнотворный запах — так пахнет формалин и старые архивные папки. Это был жидкий картон. То, из чего делают страницы её собственных книг.

Но теперь вода была глубже. Ирина сделала ещё шаг — и провалилась по колено. Дна не было. Она отступила назад, вцепившись в дверь, и посмотрела вниз. Асфальт исчез. Вместо него — чёрная, бездонная гладь, в которой отражалось серое небо и белые хлопья тумана. Ирина повернулась к машине. Та стояла на той же поверхности, но колёса её уже наполовину ушли под воду, и машина медленно оседала, словно тонущий корабль.

— Боже, — прошептала она и обернулась.

Прямо перед ней, в трёх шагах, стояла Виктория.

Девочка была босая, в том же платье, что и в машине, но платье было мокрым, прилипшим к телу. Волосы висели сосульками, с них капала вода. Виктория улыбалась — той самой хитрой, взрослой улыбкой, которую Ирина видела час назад. Но глаза её были чужими. Пустыми. В них не было света, только отражение серого неба, как в двух маленьких зеркалах.

— Привет, мама, — сказала девочка, и голос её звучал нормально. Обычно, как всегда. — Ты искала меня?

Ирина рванула вперёд, протягивая руки, чтобы схватить дочь. Но тело прошло сквозь фигуру, как сквозь влажный воздух. Ирина по инерции упала на колени, обжигая их ледяной водой, и обернулась. Виктория стояла на том же месте, улыбаясь.

— Ты оставила меня, — сказала девочка тихо. — Ты всегда меня оставляешь. Ирина открыла рот, чтобы крикнуть "Нет!", но горло свело спазмом. Воздуха не было. Виктория медленно подняла палец к губам. Кончик пальца коснулся кожи — холодный, склизкий, пахнувший озоном. Девочка начала таять снизу вверх. Сначала исчезли промокшие босые ступни, затем колени, скрытые под платьем. Туман сомкнулся на уровне её талии, поглотил плечи, оставив на мгновение висеть в воздухе только эту хитрую, взрослую улыбку. А затем растворилась и она.

Ирина осталась одна, стоя на коленях в ледяной воде, глядя на пустое место, где только что стояла её дочь. Машина позади неё издала глухой звук — предсмертный вздох уходящего под воду металла.

Она медленно поднялась, чувствуя, как дрожат ноги, как холод пробирается под кожу, впитываясь в кости. Туман вокруг неё начал редеть, и впереди, сквозь белую пелену, показалась дорога. Настоящая. Твёрдая. С асфальтом и разметкой. А в двадцати метрах впереди стоял её внедорожник. Целый, сухой, на колёсах. С закрытыми дверями.

Ирина сделала шаг вперёд, потом ещё один. Она шла медленно, оставляя мокрые следы на сухом асфальте. Когда она приблизилась к машине, передние фары мигнули, будто приветствуя её. Ирина открыла дверь и села за руль. В салоне было тепло. Сухо. Ряска на лобовом стекле исчезла, будто её никогда не было. Книга лежала на заднем сиденье ровно, аккуратно, как будто Виктория просто отложила её, чтобы подремать.

Ирина повернула голову и посмотрела в зеркало заднего вида. На заднем сиденье никого не было. Ремень безопасности был пристёгнут. Ирина вздохнула, чувствуя, как дрожь отступает, а вместе с ней уходит и паника. Она перевела дыхание.

И тогда она заметила.

На приборной панели, между спидометром и тахометром, лежал тот самый бумажный кораблик. Сухой, белый, идеально сложенный. Но бумага казалась странной — плотной, глянцево-й, похожей на качественный картон, хотя секунду назад была обычным листом А4. Рядом с ним — детская резинка для волос. Мокрая. Ирина протянула руку, чтобы коснуться фигурки, и замерла. На белом борту кораблика проступала надпись. Чернила были свежими, они буквально сочились из волокон бумаги, складываясь в синие буквы прямо под её взглядом: «Не ищи меня в городе. Я там, где ты меня оставила» Резинка соскользнула с приборной панели и упала на коврик. Звук удара прозвучал оглушительно громко в мертвой тишине салона. Двигатель завёлся сам.

Глава 3: Удар тишины

Она не помнила, как завёлся двигатель. Просто в какой-то момент поняла, что сидит за рулем, руки лежат на баранке, а стрелка тахометра дрожит на отметке полторы тысячи оборотов. Внедорожник урчал ровно, тепло из дефлекторов ощутимо грело лицо, и это было настолько обыденно, настолько по-человечески уютно, что на мгновение Ирина почти поверила — всё, что случилось, было сном. Кошмаром, вырванным из недр переутомлённого мозга.

Она посмотрела на пассажирское сиденье. Никакого бумажного кораблика. Никакой мокрой резинки. Только книга Виктории лежала на том же месте, закрытая, без единого пятна.

Ирина протянула руку и коснулась обложки — сухая, тёплая, пахнет типографской краской и немного ванилью. Как всегда.

— Всё в порядке, — сказала она вслух, и голос прозвучал ровно, почти спокойно. — Посттравматический синдром. Переутомление. Сенсорная депривация. Она проговаривала диагнозы механически, как мантру психотерапевта. Организм просто дал сбой. Мозг защищается галлюцинациями.

Она перевела взгляд на дорогу. Туман рассеялся, оставив лишь тонкую дымку над асфальтом, которая таяла на глазах, съедаемая слабым сентябрьским солнцем. Сосны стояли по обеим сторонам ровными рядами, как солдаты, и в их иголках переливался свет. Дорога тянулась вперёд ровной серой лентой, и навигатор на приборной панели показывал, что она движется по трассе П-258, в двадцати километрах от Байкальска.

Ирина выдохнула и перевела дух. Она проверила зеркала — пусто. Ни машин, ни пешеходов. Только лес и бесконечная дорога. И тишина. Та самая тишина, которую она так любила в начале путешествий, когда кажется, что мир остановился и можно побыть наедине с собой. Она улыбнулась собственному отражению в зеркале и нажала на газ.

Но что-то было не так.

Ирина не сразу поняла, что именно. Сначала она ощутила странную лёгкость — как будто машина скользила по маслу. Шины не шуршали по асфальту. Двигатель работал, но звук его будто доносился из другой комнаты, приглушённый, неестественный. Ирина опустила стекло, чтобы впустить ветер, и в салон хлынула... абсолютная тишина. Ни ветра, ни шума шин, ни пения птиц за окном. Только вакуум, в котором её собственное дыхание казалось оглушительным.

— Что за... — начала она, но не закончила.

Туман вернулся.

Он возник не сбоку и не спереди — он просто *появился* вокруг машины, как будто её накрыли стеклянным колпаком и залили белой краской. Видимость упала до нуля за одну секунду. Ирина ударила по тормозам, но педаль провалилась в пол, как в масло. Никакого сопротивления. Она нажала сильнее — и поняла, что не чувствует ног. Не чувствует рук. Не чувствует собственного тела.

Только свет.

Фары выхватили из тьмы ствол старой сосны. Огромной, с корой, изрезанной глубокими морщинами, с ветвями, тянущимися к небу, как руки утопающего. Дерево стояло прямо перед машиной, в метре от капота, и Ирина успела увидеть каждую трещину на коре, каждую каплю смолы, застывшую на свету.

Она закричала.

Она слышала свой крик — он разрывал горло, он был громким, отчаянным, полным животного ужаса. Но наружу, в пространство, он не выходил. Он оставался внутри неё, как будто её собственный голос был заперт в черепной коробке. Ирина сжала руль так, что побелели костяшки, и зажмурилась, ожидая удара. Она открыла глаза лишь на долю секунды. Капля смолы на коре сосны падала вниз невыносимо медленно, растягиваясь в янтарную нить. Время загустело, превращаясь в ту самую тягучую субстанцию, которую она описывала в "Теории отражений".

Но удара не последовало.

Она открыла глаза. Сосна стояла перед капотом, и между корой и бампером было не больше пяти сантиметров. Машина замерла. Двигатель заглох. Салон залил холодный, зеленоватый свет, который лился отовсюду и ниоткуда одновременно.

Ирина сидела неподвижно, пытаясь восстановить дыхание. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь пульсом в висках. Она перевела взгляд на лобовое стекло.

Оно было целым. Ни одной трещины, ни скола. Но изнутри, со стороны салона, оно было покрыто толстым слоем зелёной ряски. Такой густой, что сквозь неё не было видно сосны, не было видно дороги, не было видно вообще ничего. Только зеленоватая муть, которая медленно пульсировала, как живая ткань. Она двигалась. Ирина видела, как тонкие водоросли шевелятся на стекле, словно щупальца, ищущие путь внутрь. Как пузырьки воздуха поднимаются сквозь эту зелень, лопаются на поверхности и исчезают.

Ирина медленно, очень медленно, подняла руку и коснулась стекла. Ряска была холодной и влажной. Ирина провела пальцем по поверхности — и зелёный слой остался на коже, липкий, пахнувший стоячей водой и прелыми листьями. Она посмотрела на свой палец, и на мгновение ей показалось, что водоросли шевелятся, пытаются впитаться в поры. Она вытерла руку о джинсы, оставляя на ткани мокрый след, и снова посмотрела вперёд.

Стекло было покрыто ряской полностью — даже края, даже уголки, даже зеркало заднего вида. Ирина повернула голову — боковые окна тоже были закрыты зелёной пеленой. Мир снаружи исчез. Осталась только она, сиденье, руль и тишина.

Абсолютная акустическая тишина.

Ирина слышала, как кровь стучит в ушах. Она слышала, как бьётся сердце. Она слышала, как воздух входит и выходит из лёгких. Но больше — ничего. Ни шума мотора, ни скрипа пластика, ни тиканья часов на приборной панели. Даже время, казалось, остановилось. Она посмотрела на часы — стрелки замерли на 14:32. Ирина нажала кнопку открывания двери. Механизм щёлкнул, дверь приоткрылась, и в салон ворвался запах сырой земли и гниющих водорослей.

Она шагнула наружу.

Нога коснулась воды. Холодной, до онемения, мгновенно проникающей сквозь ткань кроссовка. Ирина опустила взгляд — и поняла, что машина стоит по колесо в воде. Не на дороге. Не на асфальте. Вода была чёрной, непрозрачной, без единого просвета, и в ней отражалось небо — такое же чёрное, как будто наступила ночь. Но Ирина знала, что сейчас день. Она знала, что солнце было высоко, когда она затормозила. Она знала, что не могло быть темно.

Она подняла голову.

Над ней не было неба. Был потолок. Серый, бетонный, с ржавыми трубами и свисающими проводами. Она стояла в каком-то помещении. Цехе? Подвале? Ирина обернулась. Машина стояла в центре огромного зала, залитого водой. Пол был бетонным, но сквозь черную воду проступали очертания чего-то огромного, прямоугольного. Пальцы коснулись чего-то ребристого. Дерево. Холодное, разбухшее от влаги. Она провела рукой выше — металлические уголки полки. Корешок книги. Буквы стерлись, оставив только шершавый след клея. Её собственная коробка для переезда годичной давности. Та самая бельевая веревка с синими прожилками была затянута тугим узлом вокруг ножки стула. Она подняла взгляд — стены уходили вверх во тьму, и там, куда доставал зеленоватый свет, виднелись ряды полок. Это была библиотека. Миллионы книг стояли корешками к ней, но их обложки превратились в спрессованные комки темно-зеленых водорослей. Корешки раздулись от влаги, буквы расплылись типографской краской. Вместо ржавых механизмов в воде плавали утонувшие тома классики. Толстая антология Пушкина покачивалась у самого дна, привязанная к ножке стула бельевой веревкой — точно такой же, какой Ирина перетягивала коробки при переезде год назад. Воздух пах мокрой бумагой и формалином.

Это был не Байкальский тракт. Это было что-то другое. Город? Завод? Она не знала. Она не помнила, как здесь оказалась. Последнее, что она запомнила — сосна перед капотом. А теперь — этот зал. Эта вода. Эта тишина.

Ирина сделала шаг вперёд, и вода вокруг её ног пошла рябью. В этой ряби она увидела отражение — не своё. Чужое. Маленькую фигуру, стоящую за её спиной. Ирина резко обернулась.

Никого.

Но вода продолжала волноваться, и в её чёрной глади она видела, как кто-то идёт к ней. Маленький, босой, с мокрыми волосами. Ирина развернулась на сто восемьдесят градусов, готовая встретить дочь лицом к лицу.

Там никого не было.

Только чёрная вода, бетонные стены и тишина. Тишина такая плотная, что она давила на уши, как вакуум. Ирина снова посмотрела вниз, в отражение на поверхности воды. Фигура была там. Девочка стояла прямо за её спиной, но когда Ирина поворачивалась — исчезала. Она играла с ней. Как в детстве, в прятки, когда Виктория пряталась за шторой и хихикала, а Ирина делала вид, что не может её найти.

— Вика, — позвала она, и голос её разнёсся по залу глухим эхом. — Выходи. Пожалуйста.

Фигура в воде подняла руку и помахала ей. Медленно, как будто сквозь патоку. А затем отражение начало меняться. Черты лица девочки расплылись, вода всколыхнулась, и вместо дочери Ирина увидела себя. Собственное лицо, искажённое рябью, с глазами, полными ужаса. Отражение открыло рот, и оттуда хлынула вода Байкала — густая, черная, вперемешку с песком и гниющими листьями. Поток ударил Ирине прямо в лицо, заполняя нос и легкие невозможной тяжестью. Звук падающей массы поглотил остатки воздуха. Ирина захлебнулась собственным криком, закашлялась, забилась в панике, пытаясь встать на ноги. Вода была везде. Она заливалась в уши, в нос, в рот, она была чёрной и бесконечной. Ирина чувствовала, как тонет, как тело становится ватным, как сознание меркнет. И в тот самый миг, когда темнота почти поглотила её, кто-то схватил её за руку.

«Ты не спасла её»

Ирина почувствовала прикосновение — холодное, цепкое, но не враждебное. Оно тянуло её вверх, к поверхности, и она вынырнула с оглушительным кашлем, хватая ртом воздух. Она стояла на коленях в воде, дрожа, пытаясь отдышаться. Рядом никого не было. Только чёрная гладь и пустота.

Ирина медленно поднялась, чувствуя, как вода стекает с волос по лицу, как одежда тяжелеет и тянет вниз. Она посмотрела на свои руки — они были грязными, в какой-то зелёной слизи, которая пахла тинной. Она посмотрела на машину. Внедорожник стоял на том же месте, но теперь его двери были открыты настежь. Салон был пуст.

Ирина сделала шаг к машине — и в этот момент зал вокруг неё начал меняться. Стены пошли трещинами, но они не осыпались крошкой. Они расходились по швам, словно линии сгиба на плотной чертежной бумаге. Ржавые трубы вытянулись в тонкие нити клея. Потолок рухнул вниз тяжелыми листами картона, которые тут же размокли, превращаясь в серую пульпу. Весь бетонный зал оказался гигантским макетом, который теперь стремительно терял форму. Ирина зажмурилась, сжавшись в комок, ожидая удара массивной балкой, но услышала только тихий звук рвущегося папье-маше.

И открыла глаза.

Она сидела за рулём. Внедорожник стоял на обочине Байкальского тракта. За окном светило солнце, и сосны стояли на своих местах. Лобовое стекло было чистым. Навигатор показывал дорогу. В зеркале заднего вида она видела пустое детское кресло с пристёгнутым ремнём. На сиденье лежала книга. И рядом — бумажный кораблик. Сухой, белый, с острыми складками.

Ирина взяла его в руки и медленно развернула. Внутри, детским почерком, было написано:

«Ты забыла меня. Но я не забыла тебя. Поверни назад».

Ирина повернула ключ зажигания. Двигатель завёлся с полуоборота. Она посмотрела вперёд, на дорогу. Впереди, в сотне метров, стояла та самая сосна, которую она видела перед

«ударом». Целая, живая, с корой, покрытой лишайником. И рядом с ней, на обочине, стоял дорожный указатель:

«БАЙКАЛЬСК — 10 км»

Ирина выдохнула, переключила передачу и медленно тронулась вперёд. Навигатор показывал правильный маршрут. Небо было ясным. Всё было нормально.

Кроме одного.

Она опустила взгляд на приборную панель. Датчик давления в шинах горел ровным оранжевым светом. Ирина сбросила ошибку — она погасла на секунду, а затем загорелась снова. Ирина нажала кнопку ещё раз — безрезультатно.

Она подняла голову и посмотрела в зеркало заднего вида. В отражении она увидела, что заднее сиденье было мокрым. И на нём — два маленьких следа босых ног, ведущих от детского кресла к двери.

Задняя левая дверь была распахнута настежь. На резиновом уплотнителе темнели капли озерной воды. Ирина посмотрела вниз, на коврик. Там, среди спутанных проводов зарядного устройства, лежала детская резинка для волос. Сухая. Хотя вся машина пропитана озерной сыростью. Рядом с ней на пыльном коврике темнело влажное пятно размером с ладонь. Будто кто-то долго сидел здесь, прижавшись мокрой щекой к обивке. Ирина посмотрела на порог. На серой краске виднелись два крошечных отпечатка босых ног. Они начинались у щели задней левой двери и вели вглубь салона, прямо к детскому креслу. Кто-то маленький только что забрался обратно внутрь.

Глава 4: Пустой след

Ирина не знала, сколько она просидела в машине, глядя на приоткрытую заднюю дверь. Счёт времени потерялся. Может, минуту. Может, час. Мир за лобовым стеклом был неподвижен — сосны не шевелились, облака висели на месте, и даже солнечный свет казался застывшим, как на старой фотографии. Вода сочилась из-под приборной панели, собираясь в лужицу у коврика. Но падала она беззвучно. Ирина опустила палец — жидкость была густой, маслянистой, пахла озоном. Капля сорвалась вниз и упала на резиновый коврик, оставив идеально круглое отверстие, прожжённое до самого металла пола. Точно такие же отверстия, только размером с детскую ступню, покрывали асфальт прямо перед открытой задней дверью.

Она сделала глубокий вдох. Собрала волю в кулак. И вышла.

Дверь водителя открылась с привычным щелчком, и нога ступила на асфальт. Сухой. Тёплый. Обычный асфальт, без воды, без ряски, без намёка на то, что несколько минут назад он был дном озера. Ирина оперлась на крышу машины, чтобы устоять. Ноги дрожали. Она стояла на обочине Байкальского тракта, и вокруг неё был самый обычный сентябрьский день. Солнце светило сквозь иголки сосен, птицы перекликались в кронах. Всё было как всегда. Как будто ничего не случилось.

Кроме одного.

Задняя дверь со стороны Виктории была распахнута настежь. Широко, до упора, так, что она почти касалась переднего крыла. Ирина обошла машину и замерла.

На асфальте, на идеально сухом асфальте, был только один след. Один маленький след босой ноги, оставленный в тонком слое влаги, которая покрывала дорогу точно в том месте, где стояла машина. След вёл от задней двери, через обочину, прямо в лес. Ирина опустилась на корточки. Отпечаток был чётким. Она видела все пять пальчиков, видела подушечки, видела изгиб свода. След был маленьким — детским. И он был один. Как будто Виктория стояла на одной ноге, а затем исчезла.

Ирина поднялась и перевела взгляд на асфальт вокруг. Никаких других следов. Ни её собственных, ни чьих-то ещё. Она посмотрела на свои кроссовки — подошвы были сухими и чистыми, будто она не касалась земли. Ирина посмотрела под ноги. Солнце било сквозь кроны, расчерчивая дорогу светлыми полосами, но эти полосы проходили сквозь неё. Там, где

должны были лежать её кроссовки, асфальт раскалился добела от прямого света. Она стояла на самом солнцепёке, но ей было ледяно. Солнечные лучи не грели кожу, они просто проходили навывлет, словно она была сделана из грязного стекла. Галлюцинацией самой себя. Она провела пальцем по асфальту — палец остался чистым. Мир не фиксировал её присутствие. Как будто её нарисовали поверх реальности, и краска ещё не высохла.

Ирина заставила себя отвести взгляд от собственных ног. След вёл в лес. Один след, маленький, тонкий, углубляющийся в густую тень под соснами. Ирина подошла к кромке леса и остановилась. Там, между стволами, клубилась дымка — не туман, а тень, которая сгущалась по мере того, как уходила вглубь. Оттуда пахло сырой землёй и чем-то сладковатым, как гниющие цветы.

— Это ловушка, — сказала она вслух, и голос её прозвучал тонко, почти детски. — Ты не пойдёшь в лес. Ты вызовешь помощь.

Она достала телефон — сигнала не было. Ни одной палочки. Ирина убрала телефон в карман и снова посмотрела на след. Он был здесь. Реальный, чёткий, ведущий в чащу. И она знала, что если не пойдёт сейчас, то след исчезнет. Как исчезла дочь. Как исчезла её собственная реальность.

— Это неправильно, — прошептала она. — Это не может быть правильно.

Но её ноги уже сделали шаг. Потом другой. Она перешагнула через корень старой сосны и оказалась в лесу. Трава хрустнула под ногами, и этот звук был настолько настоящим, что у неё перехватило дыхание. Она снова существовала. Лес принял её.

След петлял между деревьями, обходил валуны, нырял под упавшие ветки. Ирина шла за ним, не оглядываясь. Она знала, что машина осталась позади, что дорога осталась позади, что она уходит всё глубже и глубже в этот лес, который не был похож на обычный лес. Здесь не было птиц. Здесь не было ветра. Только тишина, которая давила на уши, и запах воды, которая была где-то рядом, хотя поблизости не было ни озера, ни реки.

Через сто метров след оборвался.

Ирина остановилась. След исчез. Просто закончился, как будто Виктория ступила на невидимую границу и растворилась. Ирина повернулась, чтобы вернуться, но поняла, что не помнит дороги назад. Все деревья были одинаковыми. Все тропинки вели в никуда. Лес изменился — он стал гуще, темнее. Сосны начали смыкаться кронами над головой так плотно, что солнце исчезло полностью. Воздух похолодел. Корни деревьев, торчавшие из-под мха, теперь шевелились. Они медленно вытягивались из сухой земли, превращаясь в бледные, скользкие отростки, похожие на гигантские водоросли. Корень скользнул по голени вверх, холодный и гладкий, как угорь. Он не пытался удержать её. Наоборот — он начал толкать её вперёд, вглубь чащи, направляя шаги точно по тому маршруту, которым прошёл ребёнок. Это был живой поводок, сплетённый из мёртвой органики. Запах гниющей воды ударил в нос резко, химически — пахло не озером, а старым холодильником морга. Ирина вскрикнула, дернула ногой, и корень отпустил её, втягиваясь обратно в землю, словно ничего не произошло.

— Нет, — сказала она, и голос её дрогнул. — Нет, я не хочу...

Смех. Сначала тихий, похожий на бульканье пузырьков воздуха в воде, он нарастал изнутри черепа. Это был голос Виктории, пропущенный через толщу озера. Звук шел не извне — он вибрировал прямо в костях черепа, отдаваясь болью в зубах. Ирина зажала уши ладонями, но вода внутри головы продолжала смеяться. Каждый смешок заканчивался влажным хрипом утопленника.

— Мам, — раздался шёпот у самого уха. — Ты никогда не найдёшь меня. Потому что ты не ищешь.

Ирина обернулась. Никого. Только лес, который смыкался вокруг неё, как стены. Она хотела закричать, но голос застрял в горле. Она хотела бежать, но ноги не слушались. Она стояла, и тишина вокруг неё стала плотной, как вода.

А потом она увидела его. На земле, прямо перед ней, лежал бумажный кораблик. Белый, сухой, идеально сложенный. Ирина опустилась на колени, взяла его и развернула. Внутри, детским почерком, было написано:

«Ты идёшь за мной, мама. Но не туда».

Ирина сжала кораблик в руке и подняла голову. Лес расступился. Между двумя соснами, в пяти шагах от неё, стояла фигура. Маленькая, босая, в том самом синем платье с белыми цветами, которое Ирина купила ей прошлым летом. Платье было мокрым, ткань прилипла к ключицам, но кожа девочки оставалась абсолютно сухой. Более того — дыхание Виктории не вырывалось изо рта облачком пара в стылом лесном воздухе. Девочка подняла руку, и Ирина увидела синяк на запястье — идеальный ровный круг лилового цвета, которого у живой Вики никогда не было. Девочка подняла руку... Ирина увидела синяк на запястье — идеальный ровный круг лилового цвета, какой оставляет присоска детского термометра. Виктория поманила её пальцем и шагнула сквозь древесину. Береза даже не шелохнулась, поглотив ткань платья без звука. Ирина осталась одна. Лес давил тишиной. Она знала, что если обернётся сейчас, то увидит лишь глухую стену деревьев. Дочь вела её в ловушку. Ирина сделала шаг вперёд, наступив на ту точку пространства, где дерево только что поглотило ребёнка. Кора царапнула рукав. Идти за ложью было безопаснее, чем стоять посреди истины.

Она не знала, куда ведёт её дочь. Она не знала, что ждёт её в конце. Она просто шла, потому что другого выбора не было. Лес смыкался за её спиной, и она знала, что пути назад нет.

Глава 5: Первый местный

Она шла за белой фигурой, которая маячила впереди, между стволами сосен, и лес вокруг неё становился всё более чужим. Сосны редели, уступая место низкорослым кустарникам и серым, угрюмым зданиям. Город открывался перед ней не как место, а как ошибка, застывшая во времени. Пятиэтажные панельные дома стояли с пустыми глазницами окон, фасады их покрывала плесень, а на первых этажах зияли чёрные провалы бывших магазинов. Дворы заросли полыньёй и крапивой, детские площадки ржавели молча, без единого звука качелей. Ни души. Ни машин. Только ветер, гуляющий по пустым улицам и гонящий перед собой сухие листья.

Ирина шла по главной улице, и каждый шаг отдавался эхом между бетонных коробок. Город был мёртв. Не просто заброшен — мёртв, как будто из него выкачали всё живое вместе с воздухом. Она прошла мимо школы с выбитыми окнами, мимо почтамта с облупившейся вывеской, мимо остановки, где висело расписание, стёртое временем до белизны. Ни одного человека. Ирина замерла на полушаге, прислушиваясь. Она только сейчас поняла, чего здесь нет. Тишина была абсолютной, потому что никто не хлопал крыльями над проводами и ни одна псина не перебирала лапами по гравию в подворотне. Город был стерилен от жизни.

Только тишина и запах. Тот самый запах, который она уже знала — влажный, сладковатый, с примесью прелых водорослей и сырой земли. Он шёл отовсюду, как будто город стоял не на суше, а на дне, которое только что обнажилось.

Ирина остановилась на перекрёстке. Белая фигура Виктории исчезла за углом одного из домов, и когда Ирина подошла, там никого не было. Только ржавая труба, торчащая из земли, и старый, покосившийся забор. Она огляделась. Впереди, в конце улицы, виднелось здание с провалившейся крышей — котельная. Рядом с ней, на площади, стояла перевёрнутая деревянная лодка. Ирина пошла туда, не зная зачем.

Лодка была старой, с облупившейся краской, и на ней сидел человек. Он сидел, поджав ноги, и смотрел на неё. Не удивлённо, не испуганно — просто смотрел, как будто ждал её появления всё утро. Он был одет в старую, выцветшую куртку-алюску, застёгнутую на все пуговицы, хотя день был тёплым. На голове — вязаная шапка, надвинутая на самые брови. Лет ему было трудно определить. Может, пятьдесят, может, шестьдесят. Лицо обветренное, глубокие

морщины прорезали его, как карту, а глаза были светлыми, почти бесцветными, и смотрели они сквозь Ирину, куда-то вглубь неё.

Ирина остановилась в десяти шагах от него, тяжело дыша. Она хотела закричать, броситься к нему, умолять о помощи. Но слова застряли где-то в груди, запертые страхом и недоверием. Первый живой человек за всё это время. Но он не выглядел как спасение. Он выглядел как часть этого мира.

— Здравствуй, — сказал он, и голос его был низким, спокойным, без эмоций. — Я ждал тебя.

Ирина сглотнула. Она открыла рот, но издала только сухой хрип. Она кашлянула и попыталась снова.

— Я... я ищу свою дочь. Ей восемь лет. Она пропала. На трассе. Моя машина...

— Я знаю, — перебил он. — Она пришла домой.

Ирина замерла. Слова повисли в воздухе, как туман, медленно оседая на бетон. Она смотрела на него, пытаясь понять, шутит он или бредит. Но его лицо оставалось непроницаемым.

— Что значит «пришла домой»? — спросила она, и голос её дрогнул. — Она пропала. Она была в машине, я отвлеклась на секунду, и она исчезла. Я не знаю, где она. Я не знаю...

— Ты знаешь, — сказал он, и в его голосе не было жестокости. Только факт, констатация. — Ты всегда знала, где она. Ты просто не хочешь в это верить.

Ирина шагнула к нему, сжимая кулаки. Гнев нахлынул внезапно, горячей волной, смывая страх.

— Ты издеваешься надо мной? Моя дочь пропала! Она могла заблудиться в лесу, упасть, замерзнуть! А ты сидишь здесь на своей лодке и говоришь загадками! Ты pomoжешь мне или нет?

Мужчина медленно поднялся с лодки. Он был выше, чем казался, и шире в плечах, но двигался он плавно, почти бесшумно, как человек, привыкший не привлекать к себе внимания. Он сделал шаг к Ирине, и она инстинктивно отступила.

— Я помогаю, — сказал он. — Я говорю тебе правду. Город, в который ты пришла, не любит ложь. Он выворачивает её наружу, как карманы. Ты не найдёшь её, пока не перестанешь врать себе.

Ирина замотала головой, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. Она не хотела плакать при нём. Она не хотела показывать слабость. Но тело предавало её, и слёзы текли сами.

— Я не вру себе, — прошептала она. — Я просто хочу найти свою дочь. Я просто хочу, чтобы она была в безопасности.

Мужчина посмотрел на неё долгим взглядом, и в его глазах мелькнула тень жалости. Но только тень. Он достал из кармана куртки старый, потёртый фонарик и включил его. Тонкий луч жёлтого света разрезал серый воздух, уходя в сторону от площади.

— Пойдём, — сказал он и пошёл вперёд, не оглядываясь. — Я покажу тебе.

Ирина колебалась секунду, а затем пошла за ним. Он вёл её через пустые дворы, мимо ржавых гаражей и облезлых заборов. Шёл он быстро, уверенно, как человек, знающий каждый камень этого города. Ирина едва поспевала за ним, спотыкаясь о корни и камни.

— Кто ты? — спросила она. — Как тебя зовут?

— Меня зовут Олег. Но здесь все так зовут — Смотритель. Это не имя, но подходит.

— Смотритель? — переспросила она. — Чего?

— Всего. — Он остановился на мгновение и повернул голову. — Этого города. Этого тумана. Этой воды. Я слежу, чтобы порядок не нарушался.

Он снова пошёл вперёд. Ирина сделала шаг следом, и в этот момент откуда-то сверху, со стороны ржавых труб котельной, донесся звук. Высокий детский голос выводил мелодию без слов. Слова были незнакомыми, гортанными, похожими на молитву или заклинание. Латынь. Ирина резко остановилась, задрал голову.

— Вы слышите? — спросила она. — Там кто-то поет. Олег даже не замедлил шага. — Это старые трубы гудят, — бросил он через плечо. — Или ветер. Здесь всё звучит как голоса. Высокий голос выводил знакомую до боли последовательность нот. Ирина почувствовала, как волоски на руках встают дыбом. Горло свело спазмом узнавания. Это была её мелодия. Та самая, которую она мычала себе под нос, когда пальцы замирали над клавиатурой три года назад, пытаясь написать финал "Клыкастых теней". Город вытащил эту ноту из её черновиков и теперь крутил здесь, зажеванную, как старую кассету.

— Какие правила?

Он усмехнулся — сухо, без тепла.

— Правило первое: не верь глазам. Второе: не верь ушам. Третье: если что-то выглядит знакомым, значит, оно уже не твоё.

Он снова пошёл вперёд. Ирина следовала за ним, переваривая его слова. Она хотела спросить ещё, но они вышли к мосту.

Старый пешеходный мост перекидывался через широкую, мутную реку. Вода была тёмной, почти чёрной, и стояла она неподвижно, как зеркало, отражая серое небо. С другой стороны моста виднелись трубы и цеха — заброшенный целлюлозно-бумажный комбинат, ровно такой, как она видела на стенгазете в санатории.

Олег (она мысленно назвала его так, потому что «Смотритель» звучало слишком театрально) подошёл к краю моста и остановился. Он посмотрел вниз, на воду, и некоторое время молчал.

— Озеро сегодня голодное, — сказал он наконец. — Я чувствую его. Оно просыпается. Оно хочет есть.

Ирина подошла к нему и тоже посмотрела вниз. Вода была непроглядной. Где-то в глубине что-то блеснуло, но она не могла разобрать, что.

— Моя дочь здесь? — спросила она тихо.

Он не ответил. Вместо этого он поднял фонарик и направил луч на воду под мостом.

Свет упал на поверхность, прорезал её на мгновение, и Ирина увидела. Прямо под ними, в тени моста, стояла Виктория. Босая, в том же мокром платье, с мокрыми волосами, прилипшими к лицу. Она улыбалась. И махала ей рукой. Маленькая, беззащитная, живая.

— Вика! — закричала Ирина и, не думая, перемахнула через перила моста, прыгая вниз.

Вода ударила её не как жидкость, а как бетонная плита. Удар выбил из легких весь воздух. Но самое страшное началось потом. Холод исчез. Удар выбил воздух. Легкие горели. Давление сомкнуло челюсти так плотно, что хрустнули зубы где-то у основания черепа. Холод отступил, сменившись тяжелым, влажным теплом аквариума. Перед глазами поплыло. Чернота речной воды начала светлеть, расслаиваться на слои желтого и синего. Иллюзия подсовывала ей пляж медленно, сантиметр за сантиметром, чтобы тело успело поверить. Ирине вдруг стало жарко, словно она лежала на гальке в разгар июля. Она видела песчаное дно, стайку рыб и собственное отражение на поверхности — она стояла на мелководе у пляжа, метрах в двадцати от берега, а маленькая Виктория строила замок из песка спиной к матери. Иллюзия была настолько яркой, что Ирина потянулась рукой к дочери сквозь толщу воды, забыв, что не может дышать. Легкие вспыхнули огнем требуя вдоха. Боль вырвала её из видения. Солнечный день схлопнулся в черноту речной воды.

Но под мостом никого не было.

Только чёрная вода и тишина. Ирина огляделась, хватая ртом воздух. Она нырнула, открыла глаза под водой, но видела только муть, водоросли и старые, ржавые трубы на дне. Никакой дочери. Никакой фигуры. Только пустота и холод.

Она вынырнула снова и посмотрела вверх. Олег стоял на мосту, глядя на неё сверху. Он не улыбался. Он просто смотрел, как смотрел всё это время.

— Ты видела? — крикнула она, захлёбываясь. — Ты видел её?

— Да, — сказал он ровно. — Я видел. Но ты прыгнула за ней, а её там нет.

— Что это было?

Он помолчал, и затем, медленно, наклонился к перилам, глядя вниз на Ирину, которая всё ещё бахталась в ледяной воде.

— Это была иллюзия, — сказал он. — Или воспоминание. Здесь они не отличаются друг от друга. Она не пропала, Ирина. Она пришла домой. Домой в озеро.

— Она жива! — закричала Ирина. — Я видела её! Она махала мне!

— Ты видела отражение. — Он выпрямился и убрал фонарик в карман. — Выбирайся. Ты замёрзнешь. А замерзать здесь — плохая идея.

Он развернулся и пошёл прочь по мосту, оставляя её одну в ледяной воде, среди чёрных водорослей и отражений, которые, возможно, никогда не были настоящими.

Ирина смотрела ему вслед, трясаясь от холода и отчаяния, и понимала, что он не врёт. Она видела свою дочь. Но под водой была только коряга. Старая, гнилая, покрытая тиной коряга, которая сейчас покачивалась на волнах, как обглоданная рука, тянущаяся к ней с дна. Один из сучьев коряги был странно прямым, раздвоенным на конце. Приглядевшись сквозь муть, Ирина поняла, что это пальцы. Детские пальцы, сведенные судорогой утопления, которые теперь стали частью гниющего дерева. Один из этих древесных пальцев едва заметно дрогнул. Сквозь тину проступила бледная кожа с облезшим лаком на ногте — точно таком же розовом, какой Виктория просила купить в аптеке неделю назад. Водоросль проросла сквозь сустав, намертво пришив детскую кисть к стволу. Озеро не просто забрало её. Оно переваривало её, превращая горе матери в строительный материал для своего дна.

Ирина поплыла к берегу, чувствуя, как вода втягивает её вниз, как цепляется за ноги, как шепчет ей что-то на языке, которого она не понимала.

Она выбралась на грязный бетонный берег, мокрая, разбитая, и посмотрела на город, который открывался перед ней.

Байкальск стоял в тумане, и туман дышал.

Глава 6: Гостевой дом

Она вышла из котельной, оставляя за спиной Олега и его тяжёлый, как камень, голос. Улица встретила её тем же серым, безмолвным светом, который, казалось, не менялся с момента её появления в этом городе. Время здесь застыло. Или его просто не было. Она шла, и её шаги отдавались эхом по пустым улицам, и она чувствовала, как усталость наваливается на неё с новой силой. Холод пробирался под кожу, вода в одежде высыхала, но оставляла после себя липкий, солёный след, который напоминал ей о том, что она всё ещё мокрая, всё ещё замёрзшая, всё ещё живая.

Она не знала, куда идти. Город был чужим, и каждое здание, каждая улица казались одинаковыми — серыми, облупившимися, пустыми. Она прошла мимо нескольких домов, мимо заколоченных магазинов, мимо остановки, на которой не было ни души. Она шла, и в её голове звучал голос Олега: «Ты не найдёшь её, пока не перестанешь врать себе». Она не знала, что это значит. Она не знала, как перестать врать себе, если она даже не понимала, в чём её ложь.

Она вышла на площадь, и здесь было немного по-другому. В центре площади стоял старый фонтан, давно высохший, с потрескавшейся чашей, из которой торчали ржавые трубы. Рядом — скамейка с облупившейся краской и дерево, высохшее до состояния серого каркаса. Ирина остановилась, переводя дыхание. Она смотрела на фонтан, и в его пустоте она видела что-то знакомое. Что-то, что напоминало ей о её собственной пустоте.

Она повернулась, чтобы идти дальше, и увидела его. Здание. Оно стояло в конце площади, притулившись между двумя серыми домами, и выглядело так, будто его построили из старой бумаги и снов. Серый камень, когда-то белый, был покрыт мхом и плесенью, и окна зияли пустыми глазницами, в которых колыхалась тьма. Над входом, вытесанная на камне, виднелась надпись: «Санаторий «Чайка»».

Ирина подошла к двери. Она была массивной, дубовой, с ржавыми петлями и медной ручкой, покрытой зелёной патиной. Она толкнула дверь, и та с протяжным скрипом, как будто её не открывали десятилетиями, медленно отворилась. Запах ударил в нос мгновенно. Это был запах забвения — пыли, сырости и старой бумаги, но к нему примешивалось что-то ещё. Влажное, солоноватое, тягучее. Запах воды, которая стояла слишком долго, запах водорослей и тины, запах дна.

Она вошла внутрь. Вестибюль был большим, с высоким потолком, на котором когда-то висела люстра. Вместо люстры из потолка торчал массивный ржавый крюк. Он входил в бетон так глубоко, что казалось, будто здание насадили на него сверху, как бабочку на иглу коллекционера. Стены были покрыты плиткой, кое-где облупившейся, и на них висели плакаты — уже почти выцветшие, с советской символикой и призывами к труду и отдыху. В углу стояла регистрационная стойка, покрытая слоем грязи, и на ней лежала книга, в которую когда-то записывали гостей.

Ирина прошла мимо, не останавливаясь. Она шла по коридору, и её шаги гулко разносились по пустому зданию. Она чувствовала, как холод проникает сквозь стены, как он обволакивает её, как он заставляет её дрожать. Она шла, и в конце коридора она увидела дверь, на которой было написано «Столовая». Она толкнула её и вошла.

Столовая была большой, с длинными столами, покрытыми потрескавшимся пластиком. В углу стоял старый буфет, за стеклом которого угадывались силуэты посуды. Ирина прошла через зал в подсобное помещение, где нашла раковину. Она повернула кран, и из него с хрипом, как предсмертный кашель, полилась вода. Ржавая, тёплая, с запахом металла, но жидкая. Ирина набрала её в ладони и выпила. Вода была противной на вкус, но она утолила жажду. Она ополоснула лицо и посмотрелась в маленькое зеркало, висевшее над раковиной. Оттуда на неё смотрело лицо, которого она не узнавала. Чужое. Уставшее. С тёмными кругами под глазами, которые казались провалами в пустоту. Она провела пальцем по отражению, стирая капли воды. Пальцы коснулись холодного стекла... и прошли сквозь него. На долю секунды её рука оказалась по ту сторону зеркала, хватая темноту ванной комнаты, которой здесь никогда не было. Ирина отдернула руку. Отражение осталось стоять ровно, глядя на то место, где секунду назад была её ладонь.

Она вышла из столовой и пошла вглубь санатория. Она искала место, где можно было бы переждать ночь, где можно было бы согреться и отдохнуть. Она прошла мимо нескольких комнат, и в одной из них она остановилась. Это была бывшая спальня — с кроватями, покрытыми выцветшими одеялами, и тумбочками, на которых стояли пустые вазы. Ирина вошла внутрь и подошла к окну. За ним был двор — пустой, заросший травой, с ржавыми качелями. Она стояла и смотрела на этот двор, и в его пустоте она видела что-то знакомое. Что-то, что напоминало ей о её собственной пустоте.

Она отошла от окна и осмотрела комнату. В углу стояла старая металлическая бочка, разрезанная пополам. Внутри лежали обгоревшие ветки и зола. Кто-то разводил здесь огонь. Ирина опустилась на колени перед бочкой и провела пальцами по пеплу. Он был холодным, но не мокрым — значит, костёр жгли не вчера. Может, день назад. Может, два. Она огляделась в поисках дров. В углу холла валялись обломки старой мебели — стулья, ножка стола, кусок фанеры. Она собрала их в кучу, сложила в бочку и начала шарить по карманам в поисках зажигалки.

Пальцы нащупали металлический корпус. Ирина вытащила зажигалку — старую, потёртую, которая валялась в бардачке много лет. Она чиркнула колёсиком, и маленький огонёк вырвался из сопла, осветив её лицо на мгновение. Она поднесла его к щепкам, и те начали загораться, сперва робко, потом увереннее. Через несколько минут в бочке горел небольшой, но устойчивый костёр. Тепло разлилось по комнате, и Ирина почувствовала, как дрожь начинает

отпускать. Она стянула с себя мокрую куртку, повесила её на спинку стула, который воткнула в пол, чтобы она сушилась. Сама села на пол перед огнём, поджав ноги, и уставилась на пламя.

Огонь успокаивал. Он был живым, настоящим, единственной реальной вещью в этом призрачном городе. Ирина смотрела, как языки пламени лижут ржавые края бочки, и постепенно мысли начинали обретать форму. Она вспомнила Олега. Смотритель. Он сказал, что озеро голодное. Что Виктория пришла домой. Что она не пропала, а вернулась в воду. Это был бред сумасшедшего. Старого пьяницы, который потерял связь с реальностью. Но он знал её имя. Он знал, что она ищет дочь. Он указал ей на мост и показал Викторю. Или не Викторю. Корягу.

Она закрыла глаза, и в темноте перед ней всплыло лицо дочери. Не то, синее и мёртвое, которое она видела в резервуаре. А живое — улыбающееся, с ямочками на щеках, с глазами, которые светились, когда она смеялась. Она вспомнила, как Виктория бежала по траве, как её волосы развевались на ветру, как она кричала: «Мама, смотри! Я умею!» — и прыгала с качелей, доверяя миру, что он её поймает. Она вспомнила, как держала её на руках в первую ночь, когда привезла из роддома, и как смотрела на это маленькое, сморщенное лицо и думала: «Я никогда не дам её в обиду».

Она открыла глаза, и в них стояли слёзы. Она смотрела на огонь, и в его пляшущих языках она видела своё прошлое, свою боль, свою вину. Она вспомнила, как сидела за столом, когда дочь подошла к ней с рисунком. Как она сказала: «Потом, Вика, я занята». Как дочь ушла. Как она ушла снова и снова, и каждый раз Ирина была занята. Она была занята, когда дочь пыталась рассказать ей о книге, которую прочитала. Она была занята, когда дочь звала её посмотреть на цветок. Она была занята, когда дочь падала и плакала, и когда она умирала в ледяной воде.

Она закрыла лицо руками, и слёзы потекли сквозь пальцы. Она плакала, и её плечи тряслись, и она не пыталась остановить слёзы. Она позволила им течь, позволила себе чувствовать всё, что она прятала годами. Она плакала по дочери, по себе, по годам, которые она потеряла в бегстве от себя. Она плакала, и костёр трещал перед ней, и тепло разливалось по телу, и она чувствовала, как внутри неё что-то начинает меняться. Горечь уходила, уступая место чему-то новому. Теплу. Надежде.

Она подняла голову, вытирая слёзы, и посмотрела на огонь. В его свете она заметила что-то на стене. Стенгазета. Старая, пожелтевшая, приколотая кнопками к пробковой доске. Она встала и подошла к ней. На газете были фотографии — чёрно-белые, с зубчатыми краями. Рабочие у станков, цеха с огромными трубами, директор с указкой. И в самом низу — фотография детей. Маленьких, в школьной форме, с пионерскими галстуками. Они стояли на фоне того самого моста, под которым она ныряла несколько часов назад. Ирина прижала кулак ко рту. "Наши дети — будущее целлюлозы". Озеро забирает бумагу. Оно забирает слова. Виктория написала записку на бумаге, и озеро пришло за ней, чтобы забрать чернила обратно. Город перерабатывает детей точно так же, как комбинат перерабатывал лес. В пульпу. В массу. В материал для новых страниц.

Ирина смотрела на лица детей. Они улыбались, но в их глазах не было радости. Только пустота. Такая же, как в глазах города. Она провела пальцем по фотографии, стирая пыль с лиц. И вдруг заметила что-то странное. В углу снимка, позади улыбающихся пионеров, стояла фигура. Маленькая, в белом платье, с мокрыми волосами. Она стояла чуть поодаль от остальных, склонив голову набок. Только у неё не было лица. Но эта девочка смотрела мимо объектива. У неё не было лица. Там, где должны были находиться черты, кожа бугрилась серым воском, словно кто-то начал лепить человеческое лицо, но бросил работу на полпути, оставив лишь два неглубоких углубления глазниц. Она была эскизом. Черновиком человека. Ни единой поры, ни ресниц. Остальные дети смотрели в камеру весело и открыто, их зубы белели на пленке. А эта девочка просто смотрела сквозь объектив пустым овальным пятном. Ирина

почувствовала приступ тошноты. Фотография пахла сырой бумагой и озоном. Она отшатнулась от стенгазеты, чувствуя, как холод снова пробирается под кожу. 1987 год. За двадцать лет до рождения дочери. Город копировал её ребенка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.